

Голоса гностицизма

Интервью с Элейн Пейджелс

Беседовал Мигель Коннер

Автор книг «Гностические Евангелия», «Павел-гностики: гностическая экзегеза сочинений Павла», «Адам, Ева и Змей», «Происхождение Сатаны» и «За пределами веры: тайное Евангелие от Фомы», а так же профессор в Принстонском Университете, Нью-Джерси – это всё Элейн Пейджелс.

Элейн Пейджелс внесла, пожалуй, наибольший вклад в развитие и современное изучение гностицизма. Её бестселлер, завоевавший многие награды – «Гностические Евангелия» – пробудил широкий интерес к гностицизму. И именно «Гностические Евангелия», вошедшие в список 100 лучших книг XX века по версии издательства *Modern Library*, является главным источником справочной информации или учебником, когда дело касается библиотеки Наг-Хаммади. Другая популярная книга, «За пределами веры», считается одной из наиболее поразительных и проницательных работ на тему *Евангелия от Фомы* (а также о частотности эзотерических упоминаний *Евангелия от Иоанна*). Остальные труды Пейджелс подняли раннее альтернативное христианство из академических глубин на поверхность популярного течения.

Как ни странно, но наше интервью на тему гностицизма было вовсе не о гностицизме, а точнее, и в принципе не могло быть о гностицизме. Элейн Пейджелс, как Карен Кинг в своём интервью, или как Майкл Уильямс, Исмо Дундерберг и другие уважаемые учёные, становится Фомой-неверующим, когда

встаёт вопрос: а существовало ли это древнее гностическое религиозное течение? В отличие от Марвина Мейера и Биргена Пирсона (в их собственных интервью) Элейн Пейджелс называет термин «гностицизм» в лучшем случае излишним и проблематичным, в худшем – интеллектуально ограничивающим. На протяжении нашей дискуссии Пейджелс не раз говорила о том, что термины «гностицизм» и «гностический» лишают человека тех щедрых даров, что несёт ему раннее христианство. Можно сказать, что эти термины, как световое загрязнение, ослепили учёные и религиозные умы и затмили созвездие примитивных христианских сект, рождённых в результате одного религиозного Большого Взрыва, но излучающих собственное уникальное просветительное сияние.

Пейджелс пошла дальше, чем другие учёные, заявив, что если мы назовём валентинианство и сифианство гностическими сектами, мы можем увязнуть в ментальном зыбучем песке навешивания хоть и целесообразных, но обобщающих ярлыков. Это неизбежно приводит к созданию близорукой проекции библиотеки Наг-Хаммади, что не позволяет правдиво взглянуть на раннее христианство. Кроме того, внутри этих общепринятых гностических категорий существует так много противоречий в истории, догмах и даже практике, что это делает их почти громоздкими. Пейджелс считает, что наиболее разумный подход – отказаться от всех традиционных гностических классификаций и отнести их к христианству. Без этого гнёта апокрифические и канонические тексты, сочинения Отцов Церкви и исторические свидетельства выглядят более гармонично, что может привести к более глубокому пониманию учений Иисуса Христа.

Несмотря на то, что Пейджелс столь же эрудирована, как и любой ученый, возможно, именно её мудрое решение придерживаться простоты делает ее выдающимся популяризатором древних ересей. Возможно, термины «гностицизм» и «гности-

ческий» излишни, чего не скажешь о самом гностицизме. Как сказала Пейджелс в нашем интервью, повторное знакомство человечества с гностическим «образом Бога» или «Божественной Искрой» является критическим и вдохновляющим центральным мотивом, который объединяет весь христианский мир, прошлый и настоящий. После этого другие слои доктрины почти без усилий встают на место (по крайней мере, так кажется Элейн Пейджелс). Безусловно, стоит упомянуть её почти детское, скромное восхищение предметом, который она усердно изучала в течение многих лет, о чём свидетельствует тот факт, что Пейджелс до и во время интервью интересовалась моими собственными взглядами на гностицизм так же живо, как и делилась своими идеями.

Даже когда дело коснулось *Евангелия Иуды*, у Элейн Пейджелс вновь был свой ясный разумный взгляд на гностического Иуду. Вместо того, чтобы рассматривать Иуду как посланника деспотического Демиурга, каким его показывает Эйприл Деконик в своем интервью, или как астрального понтифика вечности, как предложил в своем интервью Марвин Мейер, Пейджелс помещает его в разумную середину, вне крайностей. Иуда Искариот в *Евангелие Иуды* символизирует человечество в целом – связанный судьбой, при этом наделённый определённым трансцендентным выбором, помещённый в бесконечные метания между принятием и отклонением божественного провидения, способный либо полностью принять, либо проигнорировать послание спасения от живущего Христа, в то же время порочный герой и осведомлённый злодей на грандиозном, но шатком этапе творения. Гностический Иуда – это каждый из нас, и неприкрашенное и пронизательное наблюдение Элейн Пейджелс открывает этот сифианский текст для значительных уроков – исторических или вдохновляющих.

Хотя её наследие было закреплено несколько десятилетий назад, Пейджелс заверила, что продолжит награждать как академическую, так и религиозную сферы дальнейшими озарениями на тему небольшой, но запутанной веры, которая стала исторически доминирующей религией. Её не слишком беспокоит, сохранятся ли понятия «гностицизм» и «гностический» в культурном словаре. Важно то, что эти бесчисленные отдельные звёзды созвездия, называемого христианством, представляют различные богословия, которые первоначальные последователи Иисуса из Назарета оставили в назидаение цивилизации.

* * *

МК: Сегодня мы имеем удовольствие говорить с Элейн Пейджелс. Как поживаете, профессор?

ЭП: Хорошо, благодарю. А Вы?

МК: Прекрасно. Спасибо, что нашли время для нашего интервью.

ЭП: Я только рада.

МК: Профессор Пейджелс, Вы по праву считаетесь одним из пионеров так называемых гностических исследований, начиная с вашей новаторской книги «Гностические Евангелия». Как Вы попали в изучение еретического христианства и что кажется вам самым благодарным в этом деле?

ЭП: Отличные вопросы. Прежде всего, я не думала об изучении *еретического* христианства. Я поступила в аспирантуру, чтобы заняться изучением христианства, и как же я была удивлена, узнав, что у моих профессоров были картотеки с евангелиями, о

которых я никогда не слышала. Я начала искать самые ранние источники об Иисусе и о том, чему он действительно учил; в Гарварде я обнаружила, что были найдены тайные евангелия, датированные первым, вторым, третьим веками. Это полностью меняло дело. Мы будто вдруг увидели обратную сторону Луны. Меня захватили эти открытия, и они сделали изучение начала христианства намного более информативным, конкретным, сложным и интересным.

МК: Когда я говорю с учёными, они, выпуская очередную книгу или работу, всякий раз говорят: «О, мы едва приступили».

ЭП: Я считаю, это правда. Ведь при изучении раннего христианства любой учёный, как и я, пытается докопаться до истины. И конечно, мы имеем сильные собственные предположения. Вы сказали «так называемое гностическое христианство» – хорошая формулировка, однако что под этим имеется в виду? Что, как нам кажется, это означает? Когда я впервые прочла, скажем, *Евангелие от Фомы*, мне сказали, что это гностический текст, и сказавший это хорошо разбирался в вопросе. Этот человек сказал: «Это же гностический текст, вот и хорошо, что он двойственен. В нём должны быть философские спекуляции, странная мифология и очень мрачный негативный взгляд на мир». И когда читатели не увидели в *Евангелии от Фомы* ни двойственности, ни спекуляций, ни мрачного взгляда на мир, они подумали, ага, значит, гностики хитры, они не всё рассказывают. Но ведь они только что всё это прочли. И если прочитать много статей... я могу назвать и уважаемые учебники из этой области, но я не буду... там говорится, что, если вы не находите в *Евангелии от Фомы* странностей, которых в нём нет, значит, вы не понимаете *Евангелие от Фомы*, однако всё это нужно знать прежде, чем начнёшь читать. И я тогда спросила у человека, это написавшего, почему бы *просто* не читать этот

текст. На что тот ответил, что это бессмысленно. А я сказала, что всё, что он написал – бессмысленно. Так что у нас совершенно разное понимание.

МК: То есть, по сути, они говорят, что нужно иметь гнозис для того, чтобы понять гностические евангелия?

ЭП: Точнее, они говорят, что нужно понимать гностический миф. Этот так называемый гностический миф был, в некотором смысле, построен Гансом Йонасом в его книге «Гностическая религия». Это блестящая книга! Я уверена, вы её читали. Я её читала. Она вдохновила меня. Замечательная книга. Однако, не всегда можно всё найти в текстах, но люди находят то, что ищут. Так что вопрос, что значит «гностический» остаётся открытым. Что мы под этим подразумеваем?

МК: Уверен, это был феномен, который невозможно остановить. Ведь существуют кодексы Наг-Хаммади, и Вы вдруг: «О Боже! Это *Евангелие Истины*, о котором писал Ириней! А вот *Тайная книга Иоанна*, которую цитировал Ириней. Значит, всё едино».

ЭП: Нам известно, что это второй век. Однажды мне позвонили и сказали: «Я хочу, чтобы Вы отредактировали один текст», я спросила, какой. «Евангелие Иуды» – был ответ. Я очень удивилась, откуда им вообще о нём известно? Если не читать странные тексты второго века, как я, даже и не будешь подозревать, что существует *Евангелие Иуды*. Если честно, я вообще думала, что это шутка Иринея, ведь о подобных текстах не было известно до обнаружения *Евангелия Иуды* в 2006 году. Но самое главное, что этот текст был написан не в XVIII веке, а в самом начале христианства, во II веке.

МК: В данный момент обсуждается вопрос рациональности и существенности использования терминов «гностический» и «гностицизм». В парадигме Уильямса-Кинг говорится, что их нужно отбросить. При этом Марвин Мейер или Биргер Пирсон считают, что эти термины необходимы. Что Вы думаете по этому поводу, профессор Пейджелс?

ЭП: Да, это интересный вопрос, но и не простой. Я почти склонна согласиться с Майклом Уильямсом и Карен Кинг – термины не слишком практичны, т.к. вызывают у читателя ассоциации, которые он переносит на текст. Пожалуй, я предпочитаю обойтись без ярлыков. Нужно задать вопрос: «О чем идёт речь?». Потому что в некоторых случаях, текст не отвечает навязанным характеристикам, особенно в случае *Евангелия от Фомы*, о котором говорил Ганс Йонас. Я считаю, это скорее мистический текст, содержащий очень ранние свидетельства об Иисусе.

МК: Кстати, как Вы датируете *Евангелие от Фомы*?

ЭП: Я придерживаюсь общепринятых взглядов. Изначально говорили, что текст написан в 140 году – он ведь еретический, значит поздний (по крайней мере, на поколение старше остальных текстов). А потом кто-то высказал догадку, что это ранняя версия традиции Иисуса. Тогда мой учитель, Гельмут Кёстер, предположил, что текст относится к 50 году, то есть на даже 20 лет раньше, чем *Новый Завет*. Однако я считаю, это крайность. Возможно, текст написан в 90-100 году. Есть фрагменты, относящиеся к началу второго века (как в *Евангелии от Иоанна* и *от Матфея*). Так что я считаю, что текст ранний, но не настолько, как утверждают некоторые, желая назвать *Евангелие от Фомы* изначальным учением Христа. Конечно, идея заманчива, но доказательств нет.

МК: При этом есть тексты от Павла, и выглядит так, что христиане апостола Фомы о них не знали.

ЭП: Действительно, нет свидетельств того, что они знали о Павле. Это интересное замечание.

МК: Так правильно ли будет под зонтик гностицизма согнать валентиниан, сифиан и даже манихеев?

ЭП: Я думаю, да. Я думаю, да, но прихожу к выводу, что то, что мы зовём гностическим – это широкий спектр источников. Среди свитков, найденных в Наг-Хаммади, есть *Слово о Восьмом и Девятом* – герметический текст. Я бы даже сказала, мистический текст, текст о размышлении. Есть сочинение Аллогена – потрясающий текст, тоже о размышлении. Может быть, на него повлиял Буддизм – так может показаться. Можно ли назвать его гностическим? Я не знаю. Зависит от того, что вложено в понятие «гностический».

МК: Точно также говорит Джон Тёрнер: сифиане подверглись неоплатонизации и отделились от христианства. Как Вы уже сказали, трудно сказать точно, если дело не касается столь железных источников, как *Тайная книга Иоанна*.

ЭП: Конечно. И что Вы подразумеваете под «гностическим»? Какую формулировку Вы используете?

МК: Кажется, мы уже этого касались. Возвращаясь к Гансу Йонасу: конечно же, миф о ложном Боге (что может вас подтолкнуть к маркионизму), ложный мир, миф о Софии или о павшем божественном принципе, внутреннее божественное семя, которое может пробудить посредник, ненависть к миру (Вы упоминали этот пункт, конечно, он спорный)... Я что-то пропустил?

ЭП: Вы используете такой список?

МК: Этот список приближён к моему личному.

ЭП: Эти характеристики были выведены из, как Вы говорите, *Апокрифа Иоанна*. И там они вполне годятся. Но к другим текстам эти характеристики не подходят, и под одним зонтиком собралось слишком много точек зрения.

МК: Скажем так, Валентин, написавший (как считает Эйнар Томассен) *Евангелие Истины*, не в каждом своё сочинении планировал описать космологию, космогонию и теогонию в едином евангелии.

ЭП: Действительно, к тому же, Эйнар Томассен считает, что в *Евангелии Истины* всё это содержится. Может, так и есть. Может быть, Валентин вложил всю мифологию, однако, если прочесть его сочинения, которых, как мы знаем, не так уж и много, например, красивое стихотворение «Жатва». Прекрасное стихотворение, но я не вижу в нём и намёка на космологию, космогонию и теогонию. А некоторые видят. Это можно найти, но вкладывал ли это Валентин? Я люблю тексты валентиниан. Я люблю работать с этими текстами, потому что в них мир похожит на Принстон в наши дни, то есть восхитителен – солнечные лучи проходят сквозь листву, яркие цвета. Как говорится в *Евангелии от Фомы*, царство Божие внутри и вокруг нас. И тут видно эту красоту. Сегодня как раз такой прекрасный день. Валентиниане видят мир и божественную энергию такими же, как описано в Евангелии от Фомы. И я думаю, этот взгляд отличается от видения сифиан.

МК: Забыл сказать: я, как и многие учёные, считаю гностицизм дуалистичным. Не в зороастрийском смысле, с двумя противоположными божествами, как считали манихеи и катары.

Дуализм заключается в разделении духа и материи. А Вы как считаете?

ЭП: Что ж, интересно. Занятная точка зрения. Сложно что-то обобщить. В *Евангелии от Иоанна* говорится о том же: свет сияет во тьме мира, мир погряз во грехе и тьме, а присутствие Бога в мире видимо, лишь когда сквозь него сияет Логос. Павел, кстати, порой говорит о чём-то подобном. Так что, пожалуй, во многих христианских текстах видна глубокая граница между духом и плотью.

МК: Да, но валентиниане очень ценили *Евангелие от Иоанна* и сочинения Павла.

ЭП: Действительно, они с любовью относились к этим текстам. Нет причин не думать, что Валентина обучал ученик Павла – так, Валентин опосредованно считал себя учеником Павла, не Фомы. Как Вы говорили, нет свидетельств осведомлённости той традиции о Павле, но Валентин, судя по всему, знал.

МК: А что если у вас спрашивает кто-то, студент или преподаватель: «Ну, профессор Пейджелс, действительно ли плерома охватывает материю и дух? Или плерома отдельна от кеномы?» Или, как говорит Исмо Дундерберг, невозможно ответить наверняка, так как валентиниане разделились на несколько несогласных друг с другом школ.

ЭП: Я думаю, Исмо Дундерберг прав. Я склонна рассматривать плерому как её описывал Ориген: божественная полнота сущего, разительно отличающаяся от материального мира. Так обычно плерому и понимают, и таков взгляд Оригена.

МК: Что Вы думаете о точке зрения, что гностицизм и то, что мы зовём гностическим, может являться дохристианским? Или по Вашему мнению гностицизм вышел из христианства?

ЭП: Хороший вопрос. Эдвин Ямаучи в своей книге ясно говорит, что не существует доказательств дохристианского гностицизма. До христианства учение формировалось под влиянием зороастризма и персидских течений – очень разнообразная культурная смесь. Но я не вижу свидетельств существования до второго века того, что отцы церкви называли гностицизмом. Имело место различно влияние, в результате которого, как я считаю, появилось созерцание и размышление об учении Христа. Об этом говорит Птолемей. В *Письме к Флоре* он говорит, что важны слова Спасителя, ещё он говорит о *Книге Бытия*.

МК: Честно говоря, в то время была такая мешанина идей, что невозможно было появление религии из ниоткуда.

ЭП: Совершенно верно. Особенно столь сложной и широко распространённой, как раннее христианство. В матери и сыне видится мотив Гора и Изиды; в Деве Марии виден образ Великой Матери из Малой Азии (ныне Турции). Естественно, очень повлияла *Иудейская Библия*. Вот, пожалуй, главные источники. Ещё греческие боги и истории о непорочном рождении и т.д. Огромный культурный синтез, вот что есть христианство. И гностицизм.

МК: Да, доказательств мало. Пока ни серебряных пуль, ни Розеттских камней.

ЭП: Верно. Но, может, мы их ещё найдём.

МК: Возможно, Египет преподнесёт нам больше подарков.

ЭП: Чем вас привлекла эта тема? Как вы увлеклись материалом?

МК: Думаю, дело в загадочности и запретности. Я поступил в католический колледж св. Фомы в Хьюстоне, нас учил Базилианский священник. На каждом уроке, не важно, о Ветхом завете или Новом, преподаватели говорили о гностицизме. Думаю, не дольше пяти минут. Они еретики, понятно. Конечно, это подстёгивало интерес, но время шло, я остался католиком, однако в поиске наилучшей религии. Гностицизм сохранился где-то в глубине разума, а первой книгой на эту тему стали ваши *Гностические Евангелия* – я подумал: «Вау!». Мы, оказывается, столько не знаем о христианстве, этой изобильной традиции уходящей вглубь времени.

ЭП: Действительно. И мы не знали о существовании раскольников. История вычистила информацию о разногласиях в раннем христианстве, и вот все счастливы, согласны и гармоничны. Это изменилось с обнаружением *Евангелия Иуды*. Для меня стало открытием, что Тертуллиан – автор из Северной Африки – пишет, что не все считают мученичество хорошим. Некоторые говорят, что это жестоко, что Бог хочет, чтобы мы умерли. Иисус сказал: «Когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой». Это в *Евангелии*. И зачем тогда людям умирать как мученики, если этого можно избежать. Другие говорят: Иисус умер за ваши грехи, чтобы вы не умирали. То есть, Бог не хочет, чтобы ты умирал. Тертуллиан же пишет, что мученичество это хорошо. Это как тренировка. Хорошее занятие мученичеством на арене сделает тебя сильным. К тому же, Бог это любит. Для него нет ничего прекраснее, чем смерть Его святых. И возникают мысли, что это за Бог, которому приятна смерть святых? В общем, оказывается, есть те, кто говорит: «Нет, это не то, что хочет Бог. Это неправильно». И если бы не *Евангелие Иуды* и

несколько текстов из Наг-Хаммади, мы бы даже и не знали, что есть свидетельства иной точки зрения на мученичество.

МК: Да, и *Апокалипсис Петра* тоже высказывается против мученичества. Вообще, против многих христианских сект.

ЭП: Точно! Как и *Свидетельство Истины* негативно относится к лидерам и епископам, подталкивающим на мученичество. Так что действительно, несогласных затыкали, а их тексты сжигали.

МК: В поп-культуре романтизируют образ католиков, преследующих и в конце уничтожающих гностиков во II и III веках. Но у нас нет свидетельств. Быть может, те просто исчезли сами собой.

ЭП: Ничего подобного. Когда я впервые написала, что Ириней считал их злом, и что они исчезли сами собой, я подумала: где были найдены эти тексты? В Египте, в IV веке! Скорее всего, их читали в монастыре. Значит, если в IV веке в монастыре читали эти тексты, гностики никуда не исчезли. Их тексты читали с интересом, и их с большим трудом вытоптал в IV веке Афанасий, приказав в своём письме 367 от них избавиться. Христиане с жаром читали эти тексты и считали их праведными. Сейчас мы это знаем.

МК: Возвращаясь к *Евангелию Иуды*, профессор Пейджелс, каков Ваш взгляд на Иуду? Эйприл Деконик в *Тринадцатом Апостоле* рассматривает Иуду как воплощение тринадцатого зона или звёздного господина. Существует точка зрения, что Иуда был священническим героем или, как его называет Джон Тёрнер «стопой судьбы». Как Вы думаете?

ЭП: Ну, мнение Эйприл Деконик и Джона Тёрнера, что Иуда – этаким злодей во мраке – большое преувеличение. Текст куда

сложнее. Как мне кажется (о чём я писала), текст подразумевает, что Иуда представляет человеческое племя, которое нельзя спасти в его естественном состоянии – состоянии, в котором мы рождены, как дети Адама. Как говорится в *Евангелии от Иоанна*, нужно переродиться. Если этого не произойдёт, ты умрёшь. Если же ты рождаешься в духовном смысле, ты присоединяешься к небесному племени. Это как христианское крещение. Итак, *Евангелие от Иоанна* представляет Иуду как ученика – потерянного и безнадёжного, но если пройти это крещение, станешь членом небесного племени. В итоге учёные либо представляют его абсолютно злым, никчёмным и безнадёжным, либо лучшим апостолом из всех. Почему мнения так разнятся? Потому что, как говорится в *Евангелии Иуды*, до крещения ты (и любой ученик) – безнадёжный, никчёмный, грешный и смертный. А после крещения ты присоединяешься к небесам и получаешь благословение. Но это их вид крещения, возможно, отличающийся.

МК: Примерно как сифианское крещение и их взгляды на апостольское христианство и старую еврейскую храмовую культуру.

ЭП: Именно!

МК: Вот вопрос, на который, я уверен, сложно ответить. Я задавал его нескольким учёным, а ответа не получил. Есть валентиниане и сифиане, они схожи и параллельны. Но есть и отличия. Валентиниане более ортодоксальные и мягкие, а вот сифиане, если можно так выразиться, «плохие парни» течения. Думаете, у них общий теологический источник происхождения? Или думаете, в какой-то момент произошло скрещивание? Есть ли какие-то свидетельства на этот счёт?

ЭП: Это интересный вопрос. Я не знаю. Я подозреваю, что они читали одни и те же тексты. *Иудейскую Библию, Бытие*. Сифиане, возможно, даже по-другому относились к Иисусу. Я правда не знаю. Очень сложный вопрос.

МК: Я не раз задавал этот вопрос. Возможно, стоит кому-то написать об этом книгу. Вы действительно видите сифиан такими бунтарями, которым надоели иудейские заповеди? Как говорят некоторые учёные, сами сифиане видели себя элитой, добронравными бодхисаттвами; они хотели показать людям, что вот так правильнее и лучше.

ЭП: Лучше оставить эту задачу людям, которые работают над такими текстами. Я не занимаюсь сифианами столь глубоко и не могу судить.

МК: Профессор Пейджелс, не могли бы Вы привести примеры ситуаций, когда Вы поменяли своё мнение на противоположное или же серьёзно пересмотрели свои взгляды на гностицизм с начала работы над темой?

ЭП: Во-первых, теперь я вижу всё разнообразие текстов (гораздо больше, чем предполагалось ранее). Во-вторых, я не уверена, что могу назвать их гностическими. Что под этим подразумевается? – не знаю. Я приписываю гностицизму веру в существование божественного внутри – что вяжется со многими текстами разных сект. В общем, я поменяла своё мнение о том, что считать гностическим. В любом случае, для меня всё стало интереснее и сложнее.

МК: Но Вы всё же придерживаетесь мнения, что существует нечто, называемое гнозисом, некое озарение в себе и в божественном?

ЭП: Да, конечно. И этот божественный свет спрятан внутри нас, и мы можем его найти без помощи церкви (это есть в многих текстах). Это мне и нравится.

МК: Кажется, гностики могут строго держаться своих догм, таинств и быть организованными (по крайней мере, некоторые из них). Есть свидетельства.

ЭП: Некоторые – действительно. Я не категорически против ритуалов и таинств. Я наблюдатель, но считаю, что они не обязательны. Иринея пишет, что кто-то исполнял множество ритуалов, а кто-то не считал их обязательными. Две эти точки зрения могут согласовываться друг с другом.

МК: Вероятно, большая часть апокрифична. В сети есть информация, будто Вы говорите, что среди христиан гностики были наибольшими поборниками равноправия или даже феминистами. Вы всё ещё так считаете?

ЭП: Есть свидетельства, что Иринея хуже относился к тем сектам, куда входили женщины.

МК: Таково понимание Отцов Церкви?

ЭП: Конечно, поэтому эти секты и подавили.

МК: Старый вопрос: насколько можно доверять Отцам Церкви? Разве не нужно быть немного психологом, чтобы понимать их?

ЭП: Если быть немного психологом, кого угодно начнёшь понимать лучше.

МК: Это точно! Наконец, видите ли вы на горизонте гностических исследований нечто новое и интересное? Что-то скоро выйдет в свет?

ЭП: Я испытываю огромное удовольствие, пишу книгу о *Книге Откровений* и о гностических текстах, которые тоже, если позволите, книги откровений. Даже, по моему мнению, более откровенны, чем Новый Завет.

МК: Мы определённо будем ждать выхода книги¹. Вы не так часто публикуетесь, но каждый раз ваши книги сотрясают основы.

ЭП: Большое спасибо. Да, мне обычно требуется около десяти лет.

МК: Ого, да вы ещё хуже Толкина.

ЭП: (смеётся) Я не против, если добьюсь того же успеха.

МК: У Вас уже есть наследие, профессор Пейджелс, не волнуйтесь об этом.

ЭП: Спасибо, очень приятно. Я рада с Вами поговорить и ценю ваши знания в области.

МК: Спасибо, хорошего Вам дня.

ЭП: Благодарю.

1. Книга «Revelations: Visions, Prophecy, and Politics in the Book of Revelation» увидела свет в 2012 году.

Перевод с английского выполнен Лихачёвой П.И. по изданию Voices of Gnosticism: Interviews with Elaine Pagels, Marvin Meyer, Bart Ehrman, Bruce Chilton and Other Leading Scholars. By Miguel Conner. Dublin, Ireland: Bardic Press, 2011.